

АПРОБАЦИЯ

Я, нижеподписавшийся, прославивший за ученого и даже умного человека, читал эту рукопись и против воли нашел ее любопытной, занимательной, нравственной, философичной и достойной внимания даже тех, кто ненавидит романы. На этом основании я обесславил это сочинение и уверил господина Кади-эль-аскера в том, что оно отвратительно.

ПОСВЯТИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
САДИ СУЛТАНШЕ ШЕРАА

18 числа, месяца шевалея, 837 г. Геджры

Прельщение очей, мука сердец, свет разума! Не целую праха от ног ваших, ибо вы никогда не ходите, а если и ходите, то по коврам или по розам иранским. Приношу вам перевод книги одного древнего мудреца, который имел счастье ничего не делать и мог забавляться писанием истории Задига, — сочинения, в котором сказано больше, чем это кажется с первого взгляда. Прошу вас прочесть его и произнести свой приговор. Ибо — хотя вы и находитесь в весне дней ваших, хотя все удовольствия ищут вас, хотя вы прекрасны и ваши таланты только увеличивают вашу красоту, хотя вас хвалят с утра до вечера и хотя, по всем этим причинам, вы были бы вправе не иметь здравого смысла, вы все же обладаете ясным умом и утонченнейшим вкусом, и я слышал, как вы судили о вещах правильнее престарелых дервишей с длинными бородами и в остроконечных шапках. Вы сдержанны, но вам чужда недоверчивость. Вы кратки, но не слабодушны, вы делаете добро искренно. Вы любите

друзей и не знаете врагов. Ваше остроумие никогда не украшается выпадами злословия. Вы не говорите и не делаете ничего дурного, хотя вам это было бы очень легко. Наконец, ваша душа всегда казалась мне такою же ясной, как ваша красота. В вас есть даже некоторый задаток философии, и это заставляет меня думать, что вам, более чем всякой другой женщине, понравится это произведение мудреца.

Оно было написано первоначально на древнем халдейском языке, которого ни вы, ни я не понимаем. Его перевели впоследствии на арабский для забавы славного султана Улугбеба. Это было в то время, когда арабы и персы начали писать «Тысячу и одну ночь», «Тысячу и один день» и пр. Улугу больше нравился «Задиг», но султанши предпочитали «Тысячу и одну ночь». «Как вы можете предпочитать, — говорил им Улуг, — бессмысленные и ничего не значащие сказки?» «За эти качества мы их и любим», — отвечали султанши.

Льщу себя надеждою, что вы не уподобитесь им, а вполне согласитесь с Улугом. Надеюсь даже, что когда вы устанете от стереотипных разговоров, похожих на тысячу и один, но только менее занимательных, мне можно будет найти время побеседовать с вами серьезно. Если бы вы были Фалестрисою времен Скандера, сына Филиппа, или царицей Савской, времен Сулеймана, то эти цари сами пришли бы поклониться вам.

Молю небесные силы, чтобы ваши удовольствия не нарушались, чтобы ваша красота не увядала и ваше счастье длилось вечно!

Сади

Глава первая

Кривой

Во времена царя Моадбара жил в Вавилоне молодой человек, по имени Задиг, прекрасные наклонности которого были упрочены воспитанием. Хотя он был богат и молод, но умел сдерживать свои страсти; будучи искренен, он вовсе не желал быть постоянно правым и умел уважать человеческие слабости. Все удивлялись, видя, что при таком уме он никогда не насмеялся над теми пустыми, отрывочными и шумными суждениями, теми дерзкими клеветами, невежественными приговорами, пошлым гаерством и всей той шумихой слов, которая называется в Вавилоне разговором. Он узнал из первой книги Зороастра, что самолюбие есть шар, надутый воздухом, из которого вырываются бури, когда его уколут. Никогда Задиг не хвастал своим презрением к женщинам и легкими победами над ними. Он был великодушен и не боялся оказывать услуги неблагодарным, следуя великому правилу того же Зороастра: «Когда ешь, давай есть и собакам, если бы даже они грозили укусить тебя впоследствии». Он был мудр, насколько можно

было быть мудрым, и искал постоянно случая вращаться в обществе мудрецов. Постигнув науку древних халдеев, он не пренебрегал изучением физических законов природы, насколько их тогда знали, и смыслил в метафизике столько же, сколько смыслили в ней и во всякое другое время, т. е. очень мало. Он был твердо убежден, вопреки новой философии своего времени, что год состоит из 365 дней с четвертью и что солнце находится в центре вселенной. Когда же главные маги с оскорбительным высокомерием обвиняли его в неблагонамеренности и называли врагом государства всякого, кто верил в обращение земли вокруг своей оси и в то, что в году 12 месяцев, то Задиг молчал, не выказывая ни гнева, ни презрения.

Имея много денег, а, следовательно, и много друзей, обладая здоровьем, приятной наружностью, точным, светлым умом и благородным и откровенным характером, Задиг думал, что будет счастлив. Он собирался жениться на Земире, которая по своей красоте, происхождению и богатству считалась первою невестою во всем Вавилоне. Задиг питал к ней чистую и прочную привязанность, Земира страстно его любила. Приближалась счастливая минута их соединения. Однажды, прогуливаясь под пальмами, украшавшими берега Евфрата, они увидели приближавшихся к ним людей, вооруженных саблями и стрелами. То были телохранители Оркана, племянника одного из министров. Льстецы дяди внушили ему, что для него нет ничего невозможного. Не имея ни достоинств, ни добродетелей Задига, он был о себе весьма высо-

кого мнения, и предпочтение, оказанное Земирою Задигу, приводило его в отчаяние. И ревность, порожденная тщеславием, заставила его вообразить, что он без памяти любит Земиру. Он решился ее похитить. Его сообщники схватили Земиру и, в суматохе ранив ее, пролили кровь молодой особы, один взгляд которой мог бы смягчить тигров горы Имаус. Земира оглашала окрестность раздирающими воплями и восклицала: «Дражайший мой супруг! Меня хотят с тобой разлучить!» Она не заботилась о собственной опасности и думала только о своем милом Задиге. А он, тем временем, защищал ее со всею силою, какую могут внушить мужество и любовь. С помощью своих двух рабов он обратил в бегство похитителей и привел в чувство Земиру, лишившуюся сознания и истекавшую кровью. Придя в себя, она увидела своего избавителя и сказала ему: «О, Задиг! Я любила вас как будущего супруга, теперь же люблю как спасителя чести и жизни». Никогда еще не было сердца признательнее сердца Земиры; никогда еще более очаровательные уста не выражали более трогательных чувств, теми огненными словами, которые внушает признательность за величайшее из благодеяний и нежное чувство вполне законной любви.

Рана была легкая, и Земира вскоре выздоровела. Задиг был ранен опаснее. Стрела попала ему около глаза и причинила глубокую рану. Земира просила богов об исцелении возлюбленного. Ее глаза день и ночь орошались слезами: она ожидала минуты, когда глаза Задига снова смогут наслаждаться ее взорами, но нарыв, образовавшийся на раненом

глазу, возбуждал серьезные опасения. Послали даже в Мемфис за великим врачом Гермесом, который и приехал с многочисленной свитой. Он посетил больного и объявил, что тот потеряет глаз, предсказав даже самый день и час этого злополучного события. «Если бы это был правый глаз, — сказал он, — то я бы его вылечил, но раны левого глаза неизлечимы». Весь Вавилон сожалел о судьбе Задига и удивлялся глубине познаний Гермеса. Два дня спустя нарыв прорвался сам собою и Задиг совершенно выздоровел.

Гермес написал книгу, в которой доказывал, что Задиг не должен был выздороветь. Задиг не читал ее; но как только смог выходить из дому, он поехал нанести визит той, которая была для него надеждой на счастье всей жизни и для которой одной он желал иметь свои глаза. Земира три дня тому назад уехала за город. Он узнал дорогой, что эта прекрасная дама, презрительно заявив, что она чувствует непреодолимое отвращение к кривым, намерена обвенчаться с Орканом в ту же самую ночь. При этой новости Задиг упал без чувств; отчаяние едва не свело его в могилу; он был долго болен, но, наконец, рассудок одержал верх над отчаянием, а жестокость испытанного им горя послужила к его утешению.

«Так как я испытал, — сказал он, — такой жестокий каприз от девушки, воспитанной при дворе, то мне надо жениться на простой гражданке».

Он избрал Азору, девушку самую умную и из лучшего рода в городе, женился на ней и прожил целый месяц, наслаждаясь всеми прелестями неж-

нейшего союза. Но Задиг вскоре заметил, что жена его несколько легкомысленна и имеет склонность считать самых красивых молодых людей самыми умными и добродетельными.

Глава вторая

Нос

Однажды Азора возвратилась с прогулки в сильном гневе и громко изъявляла свое негодование. «Что с вами, — сказал Задиг, — моя милая супруга? Кто вас так рассердил?»

«Да, — сказала она, — вы пришли бы в такое же негодование, если бы видели зрелище, свидетельницей которого я сейчас была. Я утешала молодую вдову Козру, похоронившую два дня тому назад своего молодого супруга на берегу ручья, протекающего по окраине луга. В горести, она дала обещание богам жить возле могилы до тех пор, пока источник будет там протекать». «Что же, — сказал Задиг, — вот достойная уважения женщина, истинно любившая своего мужа». «Ах, — возразила Азора, — если бы вы знали, чем она занималась, когда я ее посетила!» «Чем же, прекрасная Азора?» — «Она отводила русло источника».

Азора разразилась такими длинными ругательствами и такими грубыми упреками по адресу молодой вдовы, что это щегольство добродетелью не понравилось Задигу.

У него был друг по имени Кадор, один из тех молодых людей, в которых его жена находила более

честности и достоинств, чем в других. Задиг сделал его своим поверенным, предварительно обеспечив его верность значительным подарком.

Однажды, когда Азора, проведя два дня в деревне у одной из своих подруг, возвратилась на третий день домой, слуги с плачем возвестили ей, что муж ее умер внезапно в эту самую ночь, но что ей не смели сообщить столь печальную новость и уже похоронили его в могиле отцов, на окраине сада. Азора плакала, рвала на себе волосы и клялась умереть. Вечером Кадор попросил позволения побеседовать с ней, и они плакали вдвоем. На другой день они плакали уже менее и обедали вместе. Кадор сообщил ей, что друг его завещал ему большую часть своего состояния, и намекнул, что только тогда он будет счастлив, когда разделит свое богатство с нею. Дама поплакала, посердилась, но, наконец, успокоилась; ужин был длиннее обеда, и разговаривали они еще откровеннее. Азора хвалила покойного, но призналась, что в нем были недостатки, чуждые Кадору. В половине ужина Кадор стал жаловаться на сильную боль в селезенке; встревоженная дама велела принести свои специи, которыми она натиралась, чтобы попробовать, не поможет ли какая-нибудь от боли в селезенке; она очень сожалела, что великого Гермеса нет более в Вавилоне; она должна была дотрагиваться сама до того места, где Кадор чувствовал такие сильные боли. «И вы подвержены этой ужасной болезни?» — сказала она с состраданием. «Она ставит иногда в опасность самую мою жизнь, — отвечал ей Кадор, — и только одно лекарство может меня облегчить, это приложенный

к моему боку нос человека, умершего накануне». «Вот странное лекарство», — сказала Азора. «Нисколько не более странное, — отвечал он, — нежели подушечки господина Арну против апоплексии».

Этот довод, в соединении с чрезвычайными достоинствами молодого человека, заставил даму решиться.

— Когда мой муж, — сказала она, — отправится из здешнего мира в другой по мосту Чинавар, ангел Азраил ведь не задержит его на том основании, что его нос будет во второй жизни несколько короче, нежели в первой?

Она взяла бритву, пошла к гробнице своего супруга, оросила ее слезами и приблизилась с целью отрезать нос Задигу, лежавшему, вытянувшись, в могиле. Задиг поднялся, закрывая нос одной рукою, а другую отстраняя бритву. «Сударыня, — сказал он ей, — не браните так громко молодую Козру, но намерение отрезать мне нос нисколько не лучше намерения отвести русло источника».

Глава третья

Собака и лошадь

Задиг испытал, что первый месяц супружества, как сказано в книге Зенда, — медовый месяц, а второй — месяц полынный. Он должен был, спустя несколько времени, развестись с Азорой, житье с которой стало для него невыносимо, и искал счастья в изучении природы.

«Нет никого счастливее, — говорил он, — философа, читающего в этой великой книге, которую бог развернул перед нашими глазами. Открываемые им истины составляют его достояние. Ими он питает и возвышает свою душу; его жизнь спокойна, ему нечего бояться, и нежная супруга не является, чтобы отрезать ему нос».

Под влиянием этих мыслей Задиг удалился в свой загородный дом на берегу Евфрата. Он не занимался вычислением того, сколько футов воды проходит в одну секунду под арками моста, или того, выпадает ли в месяц Мыши на одну кубическую линию дождя больше, чем в месяц Овна. Он никогда не помышлял бы о том, что можно изготовлять шелк из паутины или фарфор из разбитых бутылок, но изучал прилежно свойства животных и растений и приобрел вскоре навык находить тысячу различий там, где другие видят лишь однообразие.

Однажды, прогуливаясь возле небольшого леса, он увидел подбегавшего к нему евнуха царицы, вместе с несколькими придворными служителями, которые, казалось, находились в сильном беспокойстве, бегали взад и вперед, как будто они заблудились и искали потерянную ими драгоценную вещь.

«Молодой человек, — сказал ему первый евнух, — не видели ли вы кобеля царицы?» Задиг скромно отвечал: «То есть суку, а не кобеля». «Вы правы», — отвечал первый евнух. «Она очень маленькая болонка, — прибавил Задиг, — недавно ошенилась, хромот на левую переднюю лапу